

В. Н. Барышников

**СССР И ФИНЛЯНДИЯ:
К ВОПРОСУ ОБ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ
И ВРЕМЕНИ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЯ О НАЧАЛЕ «ЗИМНЕЙ ВОЙНЫ»***

Советско-финляндский конфликт конца 1930-х годов вызревал постепенно, а сама «зимняя война» возникла ввиду неразрешенности проблем взаимной безопасности. При этом перспектива мирного развития советско-финляндских отношений четко сохранялась до 29 октября 1939 г. Только тогда в Москве был принят план непосредственной войны против Финляндии. Но поспешность подготовки советских войск к боевой операции и непродуманность утвержденного тогда плана свидетельствуют о том, что советско-финляндская война могла произойти только вследствие резкого изменения ситуации в Европе и начала Второй мировой войны. В результате «зимняя война» никоим образом не была итогом исключительного характера советско-финляндских отношений 1930-х годов.

Главным обстоятельством, которое подтолкнуло советское руководство к принятию окончательного решения приступить к подготовке войны против Финляндии, являлся срыв второго раунда переговоров с финляндской правительственной делегацией в Москве в конце октября 1939 г. Здесь наряду с общеполитическим положением, явно обострившим ситуацию вокруг отношений между СССР и Финляндией, важным обстоятельством, подталкивающим советское руководство к принятию судьбоносного решения, стал ярко выраженный субъективный фактор, который, очевидно, и был стимулирующим в процессе выработки окончательного вывода о неотложной необходимости начала советско-финляндской войны. Библиогр. 66 назв.

Ключевые слова: советско-финляндские отношения, история Второй мировой войны, «зимняя война».

V. N. Baryshnikov

**THE USSR AND FINLAND: MORE ON THE CIRCUMSTANCES AND TIMING OF
THE DECISION TO START THE "WINTER WAR"**

Soviet-Finnish conflict of the late 1930's developed gradually, and the "Winter War" arose from unresolved problems of mutual security. Perspective of peaceful development of Soviet-Finnish relations definitely remained up to October 29, 1939. Only then the plan of war against Finland was adopted in Moscow. But the haste with which the Soviet Army started its preparations to military operation and the fact that adopted military plan was not well thought-out prove that the Soviet-Finnish war could start only as the result of dramatic changes of European situation and the beginning of World War II. To sum up, the "Winter War" did not result from any exclusive character of Soviet-Finnish relations in 1930's.

The main circumstance that urged on the Soviet government's decision to start preparations for the war with Finland was the breakdown of the second round of talks with Finland's governmental delegation in Moscow at the end of October, 1939. Moreover, along with the general political situation that aggravated conditions of Soviet-Finnish relations, a definite subjective factor became very sig-

Барышников Владимир Николаевич — доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9; v.baryshnikov@spbu.ru

Baryshnikov Vladimir Nikolaevich — Doctor in History, Professor, St. Petersburg State University, 7-9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; vbaryshnikov@mail.ru, v.baryshnikov@spbu.ru

* Работа выполнена при поддержке гранта СПбГУ: От национальных государств к единой Европе: проблемы европейской интеграции в XIX–XXI вв., шифр в ИАС: 5.38.275.2014, руководитель В. Н. Барышников.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2016

nificant and stimulated the Soviet government's decision that beginning of war with Finland became urgent necessity. Refs 48.

Keywords: Soviet-Finnish relation, history of World War II, "Winter War".

Участие Финляндии совместно с нацистской Германией в нападении на СССР в определенной степени носит дискуссионный характер. В финской исторической литературе твердо утвердилось представление, что для Хельсинки это была вынужденная мера, которая была продиктована прежде всего итогами так называемой «зимней войны».

Однако и проблема военной безопасности Ленинграда реально существовала для Советского Союза. Близость территории Финляндии к городу, а также к жизненно важным для СССР коммуникациям в военном отношении постоянно представляла очевидную проблему (см. приложение 1). Версии о времени принятия в Москве решения о подготовке начала войны против Финляндии выдвигаются самые разнообразные [Килин 1999, с. 166; Мусаев 1999, с. 271; Rautkallio 2002, s. 25, 60, 67, 78 и др.]. Учитывая их, отметим, однако, что отправной точкой в общем процессе нарастания межгосударственных противоречий следует, очевидно, считать период 1933–1934 гг. Именно с этого времени явно стала усиливаться дипломатическая активность СССР [Кен, Рупасов 2000, с. 108]. В Москве тогда начали переходить к инициативной внешней политике, направленной на заключение с рядом европейских государств соглашений о взаимной помощи. В Финляндии между тем твердо сложилось противоположное представление: единственный ее противник — восточный сосед, представляющий угрозу независимости страны [Seppälä 1974, s. 135; Suomi 1982, s. 20–21; Kansakunta 1989, s. 26; Барышников В. 1997, с. 292–295; Васара 2008, с. 222–235 и др.].

Эта ситуация также усложнялась приходом в январе 1933 г. к власти в Германии нацистов, что, несомненно, меняло общеполитическую обстановку в Европе. В данных условиях с начала 1935 г. Германию в высшем военном командовании СССР определенно стали видеть в качестве одного из наиболее вероятных противников, а Финляндию четко рассматривать в немецкой коалиции в виде возможного военного союзника [Директива народного комиссара обороны о разработке плана операции на 1935 г., 9.3.1935, л. 1]. С другой стороны, в советском руководстве с рубежа 1933–1934 гг. постепенно начала выработываться более ясная концепция, которая затем материализовалась в идею не допустить сползания Хельсинки в лагерь потенциальных врагов СССР, превратив эту страну в своего ярко выраженного военно-политического союзника. Объективно, формировавшаяся тогда задача затем трансформировалась в одну из главных политических линий советского руководства в отношении Финляндии и просуществовала вплоть до 1948 г., когда воплотилась в подписанный с ней Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. В итоге с середины 1930-х годов начался иницилируемый Москвой переговорный процесс, который выражался в стремлении сначала подключить Финляндию к многостороннему региональному соглашению — так называемому «Восточному пакту», а затем к идее подписания двустороннего военно-политического договора [Кен, Рупасов 2000, с. 105–106; Барышников В. 1997, с. 153–158; Korhonen 1971, s. 53; Kallenautio 1985, s. 149 и др.]. В активную фазу советско-финляндские

двусторонние переговоры в этом направлении вступили уже с 1937 г., когда в Москву на переговоры с официальным визитом прибыл министр иностранных дел Финляндии Р.Холсти и уже рассматривался вопрос о финской позиции в случае начала европейской войны [Holstin virallinen vierailu Moskovaan helmik (26.2.1937); Virallinen vierailusta Moskovaan, 8–10.2.1937; R. Holstin muistelmia 1984, s. 75; Korhonen 1971, s. 151–153].

Однако ко второй половине 1938 г. у советского руководства в значительной мере рассеялись иллюзии относительно возможности повлиять на Финляндию [Тайны... 2000, с. 22]. Поэтому с данного периода начинается новый этап некоторого отступления от общей генеральной линии. Он характеризовался попыткой решения проблем военной безопасности путем изменения мирным путем границы двух государств, но сохраняя еще и идею многостороннего соглашения, втягивающего Финляндию в антигерманскую коалицию. Эта эволюция четко прослеживалась в ходе секретных советско-финляндских переговоров, которые со стороны СССР в Хельсинки вел сначала Б. Ярцев (Б. А. Рыбкин), а затем Б. Е. Штейн, и также в ходе англо-франко-советских переговоров в Москве весной-летом 1939 г. [Советско-финляндские переговоры в марте-апреле 1939 г. Справка Б. Штейна, г. Куйбышев, 7–8. 6. 1942, л. 47; Год кризиса, 1990, с. 250, 252, 266–267, 269–271; Письмо наркома ИД М. М. Литвинова, 22.3.1939, л. 101; Tieto Itä-Karjalan aluella ja Suomen saarista Suomen lahdella vaihdosta ja vuokrasta, Muistinpaino keskustelusta E. Erkon ja B. Steinin välillä, 25.3.1939, Sähke A. S. Uryö-Koskiselle 17.3.1939 и др.].

Очередной же этап в эволюции советско-финляндских отношений наступает, когда 23 августа 1939 г. между Германией и СССР был заключен договор о ненападении. После этого советско-финляндские отношения приобретают более жесткий характер, что особенно становится заметно с началом Второй мировой войны. Характерным явилось то, что довлевший «германский фактор» утратил прежнюю силу, но в военно-стратегическом плане сами подходы советского руководства к Финляндии не менялись. Это предопределило дальнейший характер двустороннего переговорного процесса, где Москва стала усиливать свои требования. В результате началось резкое обострение межгосударственных противоречий, которое подвело Финляндию к такому рубежу, когда страна оказалась вынуждена защищать свою независимость, сражаясь с многократно превосходившей ее по силе соседней державой.

Была ли у финского руководства в этом случае альтернатива? Очевидно, она была только с точки зрения возможного достижения договоренности с Москвой. Причем анализ советско-финляндских отношений явно указывает на то, что такая альтернатива сохранялась до конца октября — начала ноября 1939 г. Насколько она действительно была реальной, свидетельствует хотя бы тот факт, что войска Красной Армии к этому времени просто не были готовы развернуть широкомасштабные боевые операции на финском направлении¹. Реальным рубежом же в этом стало 29 октября 1939 г. Именно тогда в Москве окончательно был принят план непосредственной войны против Финляндии [Зимняя война... 1998, кн. 1, с. 131;

¹ Хотя существует и другое мнение, согласно которому даже без принятого Верховным Командованием соответствующего общего плана войны против Финляндии уже загодя, «за месяц до начала переговоров в Москве 12 октября 1939 г., войска Ленинградского военного округа были готовы к нападению на Финляндию» [Rautkallio 2002, s. 24].

Тайны... 2000, с. 53–61]. Поспешность подготовки и непродуманность этого плана говорит только о том, что советско-финляндская война могла произойти только вследствие резкого изменения ситуации в Европе и начала Второй мировой войны, а сама «зимняя война» никоим образом не была итогом исключительного характера советско-финляндских отношений 1930-х годов.

Здесь же возникает закономерный вопрос: почему принятие военного плана произошло не после срыва переговоров, а еще в период их проведения? Чтобы ответить на этот вопрос и понять причину принятого советским руководством решения следует, прежде всего, разобраться в процессе изменения позиции государств в ходе самих переговоров. Это является наиболее важным, поскольку именно от них во многом зависело дальнейшее развитие событий, приведших затем к началу войны.

Вообще, по поводу самого факта начавшихся переговоров также существуют различного рода суждения [Семиряга 1992, с. 148, 150–151; Rautkallio 2002, s. 25, 67, 78, 267; Килин 1999, с. 175]. Но в контексте выдвигаемых положений следует сказать следующее. Начало советско-финляндских переговоров осенью 1939 г. осуществлялось не для того, чтобы затем включиться в войну, а как раз наоборот, чтобы этой войны по возможности не было. О том, что именно мирный вариант хода развития событий превалировал в политике СССР, свидетельствуют как советские, так и финские документы. Весь комплекс указанных материалов уже достаточно подробно рассмотрен в российской литературе [Зимняя война... 1998, кн. 1, с. 113–130; Барышников В. 1997, с. 237–261]. Представляется, однако, важным — для достижения наибольшей объективности — показать определенную эволюцию во взглядах финских участников этих переговоров. Тогда станет ясно, что могло подтолкнуть советское руководство к принятию решения о начале войны с Финляндией.

В этом плане многое раскрывают переписка и записи телефонных переговоров Хельсинки с финской делегацией в Москве, а также те распоряжения, которые направлялись ей в октябре 1939 г. Значительная часть этих документов имела строго секретный характер. Пласт указанных документов, хранящихся в Архиве Министерства иностранных дел Финляндии, до сих пор почти не введен в научный оборот, хотя, естественно, представляет интерес для раскрытия и уточнения политики Финляндии.

Итак, как свидетельствуют документы, вначале, 5 октября 1939 г., обращение В.М.Молотова к финскому руководству опиралось на тезис о том, что «в Европе идет большая война» и следует «обменяться мнениями... по текущим вопросам советско-финляндских отношений» [Зимняя война... 1989, с. 61–62; Salasähke Moskovasta Ulkoministeriöön, 5.10. (19⁰⁰)]. Однако уже это вызвало беспокойство в Хельсинки, хотя там явно считали, что пока для Финляндии советское обращение не представляет серьезной опасности. Финский посланник А.С.Ирье-Коскинен, в частности, тогда сообщил в Хельсинки: «Мое мнение: в предложении советского правительства — блеф» [Salasähke Moskovasta Ulkoministeriöön, 6.10.1939 (23¹²)]. Эти взгляды начали меняться вследствие того, что позиция Москвы явно стала ужесточаться. 7 октября Молотов встретился с Ирье-Коскиненом и говорил с ним уже «в угрожающем тоне» [Salasähke Moskovasta Ulkoministeriöön, 7.10.1939 (21⁰⁶)].

В такой ситуации 9 октября из Хельсинки в финские представительства 11 стран мира (Берлин, Брюссель, Вашингтон, Копенгаген, Лондон, Осло, Париж,

Рига, Рим, Стокгольм, Токио) было отправлено экстренное сообщение. В нем говорилось об очевидности того, что «Россия выдвинет такие положения, которые Финляндия не сможет обсуждать...» [Minister for Finland, 9.10.1939]. Иными словами, в этом сообщении содержался призыв к ведущим странам мира обратить внимание на начинающиеся в Москве переговоры и подчеркивалось положение о том, что в Финляндии на большие уступки Советскому Союзу идти не собираются. Действительно, переговоры, начавшиеся 12 октября, сразу же приобрели весьма серьезный оборот. Причем с самого их начала, по наблюдениям главы финской делегации на переговорах в Москве Ю. К. Паасикиви, И. В. Сталин начал менять предложения СССР и в целях смягчения советской позиции дважды от них отошел (см. приложение 2).

В Финляндии же давать более четкие указания своей делегации не торопились. Ответ на советские инициативы пришел лишь вечером 13 октября, т. е. спустя сутки после начала переговоров. Он имел определенную компромиссную основу и заканчивался фразой: «Важно не доводить переговоры до разрыва» [Salasäike Ulkominiisteriöstä Moskovaan, 13.10.1939 (17⁵⁵)]. Таким образом, очевидно, что финская сторона была готова все же продолжить переговоры, которые могли закончиться достижением какого-то соглашения с СССР. Но поскольку полномочия финской делегации в Москве были серьезно ограничены, было решено сообщить Сталину, что «необходимо выехать в Хельсинки для переговоров с правительством» [Paasikivi 1958, s. 47].

По всей видимости, это было достаточно неожиданным заявлением, и советское руководство решило уже письменно изложить свои предложения, причем глава финской делегации успел направить в Хельсинки после этого шифровку, в которой говорилось, что «положение вовсе не угрожающее» [Salasäike Moskovasta Ulkominiisteriöön, 14.10.1939 (20³⁵)]. Все это явно демонстрировало допустимость реализации и других компромиссных предложений. Более того, в руководстве Финляндии посчитали, что «Россия не начнет войны, а может быть безоговорная обстановка», поскольку «время работает» на Финляндию. Министр иностранных дел Э. Эркко успокоительно заявлял, что «положение для нас оздоровилось», а линия делегации на переговорах будет отражать «не ультиматумы, а обмен мнениями» [цит. по: Paasikivi 1958, s. 62]. Эти соображения вполне соответствовали общему потоку сведений, которые тогда поступали в Хельсинки. Причем зарубежным экспертам и разведчикам, анализировавшим военно-политическую ситуацию на Северо-Западе Европы накануне начала «зимней войны» было очевидно, что в данных условиях Красная Армия окажется в крайне сложном положении, если развернет боевые действия [Paasonen 1974, s. 66; Käkönen 1966, s. 143; Зимняя война... 2009, с. 180].

В целом итог обсуждения советских предложений в Хельсинки оказался судьбоносным. Финское руководство, очевидно, рассчитывало на дальнейшие уступки СССР и смягчение его позиции, что явно не сулило большого прогресса. Когда 23 октября переговоры возобновились, то ни по одному из пунктов советских предложений Финляндия не дала однозначно положительного ответа [Paasikivi 1958, s. 65]. В результате Молотов передал в письменном виде все то, от чего СССР в процессе переговоров отказался, и изложил те положения, от которых в Москве не считали возможным отказаться. «Мы заслушали изложенные нам предложения русских, — заметил Паасикиви, — и решили, что у нас мало надежд для взаимо-

понимания на основе этих предложений» [Paasikivi 1958, s. 68]. Тем самым явно создавалась тупиковая ситуация в деле достижения каких-либо договоренностей. Финская делегация, не меняя своей позиции, лишь сообщила, что не может продолжать переговоры и опять возвращается с советскими предложениями в Хельсинки. Это решение теперь явно не вызвало понимания у советского руководства. Молотов тогда решительно спросил: «Хотите довести дело до конфликта?» [цит. по: Paasikivi 1958, s. 68].

Подобная реакция представляла собой уже не просто угрозу. В Москве стали в целом расценивать переговоры как неудачные. Объективно именно на этом рубеже в советском руководстве перешли к реальной фазе подготовки к началу войны, хотя еще оставался некоторый шанс мирного разрешения назревавшего конфликта, поскольку переговоры формально еще продолжались и закончились срывом лишь 13 ноября. При этом в финском МИДе трагизм общего хода развития переговоров как бы не замечали. Позиция министра иностранных дел Э. Эркко, от которой тогда многое зависело в принятии основных решений, достаточно ясно изложена в его дневниках. В них он весьма откровенно записал, что готов отказаться от всего, «чтобы спасти страну от войны», но далее добавил: «я отступить от принципов не могу» [Manninen, Salokangas 2009, s. 278].

Но именно неудача второго раунда подвигла руководство СССР к принятию более радикальных решений. 29 октября 1939 г. был, как известно, окончательно утвержден советский военный план боевых действий против Финляндии. Причем, несмотря на свое оперативное принятие, он предполагал осуществление весьма масштабных боевых действий, сопровождавшихся сначала стремительным развертыванием мощной группировки советских войск на границе с Финляндией, а затем молниеносным наступлением, которое должно было, естественно, закончиться «полной победой» [Доклад командующего... л. 1–14].

Но этот столь быстрый вывод о необходимости срочного начала войны четко указывал на то, что здесь на советское руководство уже влиял ряд сопутствующих принятию этого решения обстоятельств. Первым было бесспорно то, что И. В. Сталин хотел в условиях начала Второй мировой войны во что бы то ни стало решить быстро и «в комплексе» северо-западный, прибалтийский «пограничный вопрос». В отношении Эстонии, Латвии и Литвы это получилось. Все три государства осенью 1939 г., как известно, подписали военно-политические соглашения с СССР. Финляндия же заняла иную позицию, которая явно вызвала в Москве предельно негативную реакцию. Далее, очевидно, учитывалось еще и то, что на пороге наступающего 1940 г. внешнеполитические условия были для СССР тоже вполне благоприятными. В Москве явно не видели особых перспектив международной поддержке Финляндии [Зимняя война... 2009, с. 165–167, 170; Дневник полномочного представителя СССР в Великобритании М. Майского, 29 ноября 1939 г., с. 350]. Но самое главное, с точки зрения принятия в Москве решения о начале войны, заключалось, очевидно, в том, что явно переоценивалась мощь советских войск и полностью не учитывались перспективы возможного сопротивления армии Финляндии. Это уже было по своей сути ключевым просчетом советского руководства, за который дорого заплатили в ходе наступления части Красной Армии.

Тем не менее нельзя сказать, что данные стратегические ошибки были вызваны лишь неверной информацией и плохим представлением советской разведки о том,

что в тот период происходило в Финляндии. На самом деле в Москву поступали достаточно разнообразные разведывательные сведения, которые могли дать более или менее адекватный образ потенциальных возможностей финской армии. Но, что представляется достаточно удивительным, к принципиально важным данным касательно Финляндии, которые передавались командованию по линии советских разведывательных органов, относились весьма безразлично. Об этом очень определенно можно судить по стенограмме доклада начальника Главного разведывательного управления Генерального штаба РККА И. И. Проскурова на Совещании при ЦК ВКП(б), прошедшем после окончания войны в апреле 1940 г. Он тогда прямо обратил внимание на наличие у командования еще до начала «зимней войны» достаточно подробных сведений о системе финских укреплений на Карельском перешейке, явно не учтенных разработчиками советского плана войны осенью 1939 г. [Зимняя война... 1998, кн. 2, с. 203]. Правда, как представители Оперативного отдела Генштаба РККА, так и сам автор плана боевых действий, командарм 2-го ранга К. А. Мерецков, затем указывали, что у них были данные военной разведки, но они считали их не совсем достоверными, «занижающими реальную мощь линии Маннергейма» и «особой точностью не отличающимися» [Мерецков 1968, с. 182; Василевский 1976, с. 94]. Подобное отрицание значимости работы, проделанной за период с 1935 по 1937 гг. советской военной разведкой, не соответствует реальному содержанию сведений, поступавших к советскому командованию. В штабе ЛВО находились весьма профессионально представленные схемы системы укреплений «линии Маннергейма» и даже приводились фотографические изображения конкретных финских укреплений². Подобная работа могла вызывать только удивление способностями советской агентурной разведки в Финляндии. Единственный недостаток проделанной тогда работы заключался в том, что ряд мощных оборонительных сооружений на Карельском перешейке Финляндия смогла создать уже позже, на рубеже 1938–1939 гг., т. е. накануне начала войны. Об этих укреплениях, очевидно, разведывательная информация отсутствовала [Зимняя война... 1998, кн. 2, с. 204].

Иными словами, в Москве в целом весьма «небрежно» относились к информации военной разведки. В этих условиях, несомненно, руководство СССР могло лишь рассчитывать на подавляющую военную мощь Красной Армии. Но советское командование в условиях сложной лесисто-болотистой местности и отсутствия на большинстве оперативных направлений наступления достаточного количества транспортных коммуникаций эффективно использовать техническое превосходство РККА перед финскими войсками тогда не смогло [Великая Отечественная война... 2012, с. 342–351]. Более того, Красная Армия вынуждена была начинать боевые действия в обстановке крайне непродолжительного светового дня или вообще наступать в климатических условиях полной полярной ночи. Совершенно очевидно, что это было стратегическим просчетом руководства. К тому же к началу военной операции войска еще не были полностью развернуты в соответствии с принятым 29 ноября планом³.

² О содержании этого альбома весьма наглядное представление дает книга финского исследователя А. Уйттио, в которой приводятся копии отдельных страниц данного альбома [Uitto 2011, с. 60–75].

³ Даже те части, которые были указаны в директиве 29 октября как наступающие «в первом эшелоне», не были полностью развернуты для готовящегося наступления [Великая Отечественная

Однако не менее принципиальным являлось и другое. Советскому руководству стали поставлять явно ошибочную или даже неверную информацию, которая достаточно искаженно раскрывала общеполитическую ситуацию, складывавшуюся в Финляндии накануне начала войны. Причем к этой информации в Москве относились более серьезно, чем к тем данным, которые накапливались в предшествующие годы, прежде всего по линии военной разведки. Следует учитывать, что в целом система политической разведки в СССР в отношении сопредельных государств была тогда поставлена на достаточно высокий уровень. Накануне войны разведка по линии НКВД могла, в частности, организовывать прослушивания разговоров, которые велись в финском представительстве в Москве. Судя по рассекреченным и опубликованным документам Центрального архива ФСБ России, на стол высшего советского руководства регулярно ложились донесения о высказываниях военного атташе Финляндии майора К. Сомерто [Зимняя война... 1998, кн. 1, с. 162–165, 167–168, 179–181, 184–186, 188–189]. Также шли донесения достаточно осведомленной агентурной разведки в самой Финляндии [Korhonen 1966, s. 66]. Перехватывалась, кроме того, еще и международная дипломатическая переписка и т. д. Все это сочеталось, естественно, с деятельностью военной разведки и донесениями советских дипломатов, работающих в Хельсинки.

Тем не менее все перечисленные, достаточно объемные источники информации оказались не совсем верными с точки зрения отражения политической обстановки в Финляндии. Хотя именно эти, нередко искаженные сведения становились очень широко известными. Собственно, их активно применяли для создания соответствующего общественного мнения в СССР. Сейчас некоторые современные исследователи даже пытаются обратить в своих работах внимание как раз на то, что в советской печати (речь идет о ноябре 1939 г.) в явно искаженном плане отображалось внутривнутриполитическое положение в Финляндии [Vihavainen 1984 a, s. 34–45; Vihavainen 1989 b, s. 132]. Действительно, в донесениях, которые в этот период стали направляться И. В. Сталину по линии НКВД, подчеркивались прежде всего панические настроения, как бы охватившие население Финляндии. Так, 12 октября 1939 г. Л. П. Берия передал докладную записку, адресованную И. В. Сталину, В. М. Молотову и К. Е. Ворошилову, в которой прямо указывалось, что «население Гельсингфорса (Хельсинки. — В. Б.) в панике» [Зимняя война... 2009, с. 164].

Признавая возможность существования в ходе начала советско-финляндских переговоров в Москве в определенной части финского общества подобных настроений, безусловно их не следовало преувеличивать. Тем не менее то, что о них докладывалось высшему руководству СССР, свидетельствует о том, что к подобным фактам в советских спецслужбах относились весьма серьезно. Здесь, несомненно, важная роль принадлежала тем, кто оказывал содействие советской политической разведке в сборе данных об общеполитической ситуации, складывавшейся тогда

война... 2012, с. 336]. Накануне начала войны численность советских войск у границы с Финляндией достигла 425 640 человек [Тезисы доклада о действиях Красной Армии против белофиннов, л. 414]. Но этого для «молниеносной» войны, с учетом необходимости прорыва финских укреплений на Карельском перешейке, было явно недостаточно. К тому же на стратегически главном, Выборгско-кексгольмском направлении преимущество Красной Армии выражалось всего в 36 тыс. человек (133 тыс. финских войск против 169 тыс. советских) [Барышников В. 1997, с. 265–266; Великая Отечественная война... 2012, с. 340], также явно недостаточном для успешной и стремительной операции.

в Финляндии. В этом плане, несомненно, наиболее обстоятельные сведения по линии политической разведки поступали в СССР через леворадикальную часть финского общества, которую представляла запрещенная в Финляндии коммунистическая партия. Именно через эту часть финского населения, с которой у советских представителей сложились наиболее тесные, доверительные контакты, поступали тогда весьма критичные по отношению к правительству Финляндии и «обобщающие» сообщения. Так, в частности, резиденту советской разведки по линии НКВД Е. Т. Синицину, работавшему в ноябре 1939 г. в Финляндии под «дипломатическим прикрытием», одна из активных деятелей финской коммунистической партии Х. Куусинен прямо указывала, что «рабочие и крестьяне недовольны и выступают против войны с Советским Союзом» [Синицин 1996, с. 27]. Но эти зафиксированные проявления негативного отношения части населения Финляндии, естественно, вовсе не означали, что страна находится на грани антиправительственных выступлений или даже революции.

В СССР же тогда, наоборот, все чаще отфильтровывались для информации такие сообщения, в которых очень преувеличенно отображались социальные конфликты и тем самым создавалось однобокое, а нередко и извращенное представление о реальности. По линии НКВД в середине октября 1939 г. поступило, например, сообщение о «кризисном положении в верхах» Финляндии: «Буржуазия гг. Хельсинки, Або (Турку. — В. Б.), Таммерфорса (Тампере. — В. Б.) и Выборга эвакуируется... Для эвакуации не хватает поездов. Билеты на пароходы, отходящие в Швецию, проданы на неделю вперед» [Пограничные войска СССР... 1970, с. 47–48]. Также обращалось внимание на якобы нараставший осенью 1939 г. экономический кризис в стране. В частности, 12 ноября 1939 г. Е. Т. Синицын прямо писал в Наркомат иностранных дел: «Мне кажется, что их петушиной позы (речь идет о срыве советско-финляндских приговоров в Москве. — В. Б.) хватит очень ненадолго. Известно, что финны сейчас тратят на армию в день 60 мил. финск. марок. При их бюджете этого одного факта достаточно, чтобы вызвать банкротство страны» [Из письма поверенного в делах Елисеева (Синицына. — В. Б.) заместителю наркома Деканозову, 12 ноября 1939 г., л. 22].

Наряду с этим в Москву поступила информация о том, что население Финляндии негативно настроено по отношению к руководству страны: «Рабочие массы и беднейшие слои крестьянства выражают скрытое недовольство политикой правительства... и угрожают расправой тем, кто ведет политику, враждебную Советскому Союзу...» [Доклад начальника... 10 ноября 1939, л. 199]. А в разведсводке, направленной 22 ноября в войска Ленинградского военного округа, отмечалось: «настроение демобилизационное, солдаты требуют увольнения, заявляя: “Молотов дает увольнение”. Офицеры оценивают положение безнадежным... До двух третей состава сейчас считает политику правительства гибельной...» [Из разведсводки... штаба 14-й армии, л. 18]. Все это было далеко от истины. В действительности настроения в финской армии являлись весьма воинственными [Talvela 1976, s.153], а в политических и парламентских кругах не проявлялось заметной оппозиционности к правительству. Нетрудно понять, как далеко в сторону могли увести подобные сообщения.

Почему же имела место такая дезинформация? Объяснить это обстоятельство, вероятно, можно тем, что в то время учитывалась общеполитическая пози-

ция И. В. Сталина, которая явно основывалась на твердом убеждении в поддержке в Финляндии широкими массами трудящихся «классовой позиции» Советского Союза [см: XVII съезд... 1934, с.12]. Причем важным звеном, которое должно было обеспечить информационную составляющую подобных сведений, могла стать международная деятельность Коммунистического Интернационала, тоже активно снабжавшего руководство Советского Союза нередко искажающими политическую ситуацию в Финляндии сведениями. В этом отношении весьма показательно, что уже 17 октября в Коминтерне была сформулирована общая линия коммунистического движения относительно начавшейся Второй мировой войны. В ее выработке непосредственное участие принимал лидер КПФ О. В. Куусинен. Руководство Коминтерна указывало тогда, что в новых условиях революционные возможности в воюющих странах будут возрастать [Rentola 1994, s. 149–151]. В постановлении ИККИ четко говорилось о необходимости построить теперь работу так, чтобы добиться «организации... борьбы против империалистической войны... указывая массам революционный выход из нынешнего положения» [Коминтерн... 1994, с. 142], и, что очень важно, среди финских коммунистов тогда явно преобладало мнение, что широкомасштабная война «между капиталистическими странами приведет к мировой революции» [Rentola 1994, s. 140, 145]. Не случайно, вероятно, уже 20 октября О. В. Куусинен поставил задачу для КПФ — усилить революционную работу [Rentola 1994, s. 151–153].

Что касается конкретных разъяснений, поступавших от Коминтерна к представителям финской коммунистической партии, то в них подчеркивалось, что «лозунг “защиты отечества”... буржуазия в первую очередь использует против Советского Союза». В результате коммунистам следовало вести борьбу против “национального единства”, сплочения вокруг политики правительства» [Коминтерн... 1994, с. 166; Коминтерн... 2003, с. 292], что виделось тогда вполне «реальным делом». 26 октября один из руководителей КПФ А. Туоминен направил в Москву письмо, в котором четко отмечал, что в Финляндии «положение день ото дня становится для нас все более выгодным». Им указывалось на обострение социальной напряженности в обществе, а также наблюдающийся в финской армии процесс морального разложения. По его словам, «резервисты мерзнут в лесах и палатках», и все это порождает лишь «злость», направленную против тех, кто «сочувствовал в подготовке и введении этих насильственных мероприятий» [Коминтерн... 2003, с. 294–295]. Подобные сведения лишь вводили в заблуждение и создавали в целом искаженное представление о складывавшейся обстановке в стране, но именно такого характера информация затем ложилась на стол к Сталину. Так, в докладной записке от 1 ноября, направленной Л. П. Берия на его имя, говорилось, что «многие резервисты занимаются членовредительством для избежания военной службы»; «между резервистами и шюцкористами⁴ происходят постоянные стычки» [Зимняя война... 2009, с. 178].

В целом очевидно, что значительную роль в обобщении политической ситуации в Финляндии стали играть те, кто четко стремился оценивать социально-экономическое и политическое положение в Финляндии во «все более выгодном» для себя плане. К этому мнению в Кремле, естественно, не могли не прислушиваться.

⁴ Представителями военизированной организации *Шюцкор*.

Накануне начала «зимней войны» в ноябре 1939 г. О. В. Куусинен двенадцать раз посещал рабочий кабинет И. В. Сталина, причем иногда даже по несколько раз в день [Посетители кремлевского кабинета И. В. Сталина, с. 57–60]. Как заметила известная российская исследовательница истории Коминтерна Н. С. Лебедева, тогда «информация, получаемая от компартий и через собственную разведку — Службу связи Коминтерна — была далека от реальности», но руководство Коминтерна, как и СССР в целом, «принимало желаемое за действительное» [Лебедева 2003, с. 29]. В результате на оценку политической ситуации нередко оказывал серьезное воздействие субъективный фактор. Тем не менее, учитывая иногда основанную только на нем весьма одностороннюю, но зато «классово заостренную» информацию, в Москве принимали очень серьезные решения, причем в спешном порядке. Примером тому является идея создания так называемого «народного правительства Финляндии», которое, вполне понятно, не могло возникнуть без соответствующей проработки этого вопроса лично Сталиным [Барышников Н. 2003, с. 58–91]. Что же касается установок Коминтерна и прежде всего финских коммунистов, то 10 ноября было обнародовано обращение КПФ, в котором ясно указывалось, что «если теперь буржуазия начнет “освободительную войну”, то она не окончится так, как в 1918 г.» [цит. по: Rentola 1994, s. 160]. Очевидно, что в данном обращении четко просматривалась идея реванша финских коммунистов за их поражение в гражданской войне в 1918 г.

Иными словами, взгляды видных деятелей Коминтерна полностью укладывались в политические представления Сталина. В результате искаженная информация о политической ситуации в Финляндии не встречала критической оценки в советском руководстве, создавая иллюзию перспективы легкой победы и утверждения в Финляндии нового общественно-политического строя, что затем отражалось в соответствующих директивах советского командования. Ярким примером может служить, в частности, директива политуправления Ленинградского военного округа от 23 ноября 1939 г. В ней указывалось: «Мы идем не как завоеватели, а как друзья финского народа» [Из директивы начальника ПУ ЛВО, л. 6]. От командиров и политработников требовалось «принимать все необходимые меры по обеспечению чуткого отношения к финскому населению» [Директива командующего..., л. 1; Директива командирам..., л. 229; Тайны... 2000, с. 113]. Более того, в распространенных в частях Ленинградского военного округа материалах о Финляндии проводилась мысль о бедственном положении трудящихся страны и об их стремлении как можно скорее избавиться от существующего режима [Финляндия. Политико-экономический обзор, л. 30].

В результате всей этой субъективной и дезориентирующей информации войска явно вводились в заблуждение, что еще более усложняло дальнейшие перспективы успешного ведения боевых действий. В целом же очевидно, что таким образом субъективный фактор в принятии руководством СССР решения о необходимости безотлагательного начала войны с Финляндией оказался определяющим. Этот субъективный фактор, безусловно, был связан с мнением прежде всего И. В. Сталина, но явно подкреплялся искажающими политическую информацию о Финляндии данными, которые поступали тогда в Москву.

Таким образом, окончательное решение приступить к подготовке войны против Финляндии сложилось в советском руководстве вследствие срыва второго ра-

унда переговоров с финляндской правительственной делегацией в Москве в конце октября 1939 г. Причем здесь наряду с общеполитическим положением, явно обострившим ситуацию вокруг отношений между СССР и Финляндией, которое было вызвано началом Второй мировой войны, важным обстоятельством, подтолкнувшим советское руководство к принятию судьбоносного решения, был ярко выраженный субъективный фактор, ставший, совершенно очевидно, стимулирующим в процессе выработки окончательного вывода о неотложной необходимости начала советско-финляндской войны.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Оперативные планы войны против Финляндии⁵

Развертывание для ведения боевых действий главных сил Красной Армии, по оперативным планам за период с 1932 по 1937 гг., предполагалось на Западе против основных противников (финляндский театр военных действий считался второстепенным).

План 1932 г. (мобрасп. № 11 [мобилизационное распределение. — В. Б.]); задача — обеспечить прочное удержание района Ленинград. Всего назначить на Северо-Западный фронт 20 стрелковых дивизий (на Карельский перешеек — 3, в Карелию — 1 и 1 стрелковая бригада), на эстонско-латвийский участок — 16 стрелковых дивизий.

План 1933 г. (мобрасп. № 15); задача — оборонять Ленинградский промышленный район и территорию АК ССР [Автономной Карельской ССР. — В. Б.], прикрывая северные границы СССР. Всего назначить на Северо-Западный фронт 21 стрелковую дивизию (Карельский перешеек — 4, Карелия — 2 стрелковых бригады, на эстонско-латвийский участок — 17 стрелковых дивизий).

План 1934 г. (мобрасп. № 15); те же задачи и силы.

План 1935 г. (мобрасп. № 6); задача — прочно удерживать Карельский укрепленный район, территорию АК [Автономной Карельской. — В. Б.] ССР и Мурманского края. Из 10 стрелковых дивизий выделить: на Карельском перешейке — 5; в Карелии — 1 стрелковая дивизия и 1 стрелковая бригада; на эстонско-латвийском участке — 4 стрелковых дивизии.

План 1936 г.; ставится активная задача по разгрому противника на Карельском перешейке и по овладению Укрепрайоном. Всего на Северо-Западный фронт назначить 15 стрелковых дивизий. Для выполнения военных задач против Финляндии на Карельском перешейке — 5 стрелковых дивизий и 2 танковые бригады, в Карелию — 2 стрелковые дивизии. На эстонско-латвийский участок — 8 стрелковых дивизий.

План 1937 г.; ставится активная задача на Карельском перешейке по решительному поражению финской армии, в Мурманском районе и АК ССР. Ставятся задачи по овладению районами Печенга, Каяни, Нурмес, Сердоболь. Из 16 стрелковых

⁵ См.: [Санкт-Петербург и страны Северной Европы 2002, с. 93–102].

дивизий: на Карельском перешейке — 8 стрелковых дивизий, 2 танковые бригады, 3 артиллерийских полка РГК; в Карелии — 2 стрелковых дивизии и 1 горнострелковая дивизия, на эстонско-латвийский участок — 5 стрелковых дивизий.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Два варианта изменения границы, подготовленных СССР к переговорам по территориальным вопросам с финляндской правительственной делегацией (не позднее начала октября 1939 г.)

По территориальным вопросам на переговорах с финляндской правительственной делегацией у СССР было два варианта изменения границы

План минимум

Финляндия уступает восточную часть Выборгской губернии по линии: **Местерярви — Калленярви — Пюхярви — Коневец**.

Финляндия уступает в Финском заливе о-ва: **Лавансаари, Пиенинсаари, Сейскари**.

Финляндия уступает западную часть п-ва **Рыбачий**.

Финляндия предоставляет СССР право строить морскую и воздушную **базы на Суурсаари** и Ханко (район Лаппоохья).

Финляндия обязуется не укреплять без согласия СССР Аландские острова и предоставляет в этой связи право контроля (в лице особой военно-морской комиссии, периодически направляемой на острова).

План максимум

Финляндия уступает часть Выборгской губернии к востоку от линии: **Сяккярви — Яяски — Париккала**.

Финляндия уступает острова в Финском заливе, кроме того, также **Суурсаари, Руускери, Большой и Малый Тютяrsaари**.

Финляндия полностью уступает **Петсамо**.

Финляндия предоставляет СССР право строить морскую и воздушную базу на Ханко (район Лаппоохья).

То же, что и в плане «минимум».

Два варианта договора о взаимопомощи между СССР и Финляндией (отвергнут 12 октября 1939 г.)

План минимум

Договор касается прямой агрессии или угрозы агрессии крупных европейских держав со стороны Балтийского моря или Северного Ледовитого океана.

СССР помогает армии и флоту Финляндии, продавая оружие и военные материалы по выгодной цене.

План максимум

То же, что и в плане «минимум».

То же, что и в плане «минимум».

Финляндия предоставляет СССР в аренду Хан-ко (включая район Лаппоухья) для военно-морской базы и отдельных аэродромов с правом размещения гарнизона сухопутных и воздушных сил, предельная численность которого должна быть согласована.

СССР получает право построить **военно-морскую базу в Петсамском заливе и установить береговую артиллерию на финском побережье Баренцева моря, а также разместить сухопутные и воздушные силы в Лапландской губернии.**

Финляндия передает в аренду СССР острова в Финском заливе: **Руускери**, Суурсаари, **Малый и Большой Тютяrsaари**, Пенисаари, Сейскари. СССР имеет право размещать на этих островах военно-морские базы и аэродромы, а также гарнизоны сухопутных и воздушных сил.

СССР получает право размещать войска, строить склады и иметь аэродромы в Выборгской губернии в восточной части от ее границы по линии: **Сякиярви — Нурми — Яаски — Париккала**. На этой прибрежной территории СССР имеет право на военно-морские базы и аэродромы.

Места дислокации и численность войск определяются особым согласованием.

Финляндия не имеет права без согласия СССР укреплять Аландские острова и разрешает советской контрольной комиссии посещать острова по усмотрению СССР.

Страны не заключают никаких договоров и не присоединяются к союзам, которые направлены против другой договаривающейся стороны.

Финляндия предоставляет СССР в аренду Хан-ко (включая район Лаппоухья), и остров Рыбачий для военно-морской базы и отдельных аэродромов с правом размещения гарнизона сухопутных и воздушных сил, предельная численность которых должна быть согласована.

Финляндия передает в аренду СССР острова Суурсаари, Лавансаари, Пенисаари и Сейскари.

СССР получает право размещать войска, строить склады и иметь аэродромы на Карельском перешейке южнее линии: **Местерярви — Каннельярви — Пюхярви — Коневец**. Места расположения и численность войск согласуются особо.

То же, что и в плане «минимум».

То же, что и в плане «минимум».

То же, что и в плане «минимум».

Источники и литература

- Барышников В. Н. От прохладного мира к зимней войне. Восточная политика Финляндии в 1930-е годы. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. 352 с.
- Барышников Н. И., Барышников В. Н. Рождение и крах «терийокского правительства» (1939–1940 гг.). СПб; Хельсинки: Johan Beckman Institute, 2003. 363 с.
- Васара В. Т. Деятельность Академического карельского общества (АКС) в Финляндии // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2008. № 2. С. 222–235.
- Василевский А. М. Дело всей жизни. М.: Политическая литература, 1976. 457 с.
- Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. Т. 2: Происхождение и начало войны. М.: Кучково поле, 2012. 1007 с.
- Год кризиса. Документы и материалы. Т. I. М.: Политическая литература, 1990. 555 с.
- Директива командирам и комиссарам соединений и частей 14 армии, копия командующему Северным флотом // Российский государственный архив Военно-Морского Флота (РГА ВМФ). Ф. р-970. Оп. 2. Д. 124.
- Директива командующего Ленинградским военным округом военным советам и начальникам политуправлений 7, 8, 9, 14-й армий о нормах поведения личного состава на территории Финляндии, 29 ноября 1939 // Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 37977. Оп. 1. Д. 235.

- Директива народного комиссара обороны о разработке плана операции на 1935 г., 9.3.1935 // Российский государственный архив Военно-Морского Флота (РГА ВМФ). Ф. р-92. Оп. 2. Д. 260.
- Дневник полномочного представителя СССР в Великобритании М. Майского, 29 ноября 1939 г. // Документы внешней политики (ДВП) Т. XXII. Кн. 1. М.: Международные отношения, 1992. 712 с.
- Доклад командующего войсками Ленинградского военного округа народному комиссару обороны, план разгрома сухопутных и морских сил Финляндии // Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 25888. Оп. 14. Д. 2.
- Доклад начальника штаба Ленинградского военного округа народному комиссару обороны о состоянии финской армии и театра военных действий, 10 ноября 1939 // Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 25888. Оп. 11. Д. 17.
- Зимняя война (документы о советско-финляндских отношениях 1939–1940 годов) // Международная жизнь. 1989. № 8. С. 55–68.
- Зимняя война 1939–1940 гг. Исследования, документы, комментарии. К 70-летию советско-финляндской войны. М.: Академкнига, 2009. 815 с.
- Зимняя война 1939–1940. Книга 1: Политическая история. М.: Наука, 1998. 584 с.
- Зимняя война 1939–1940. Книга 2: И. В. Сталин и финская кампания (Стенограмма совещания при ЦК ВКП(б)). М.: Наука, 1998. 295 с.
- Из директивы начальника ПУ ЛВО дивизионного комиссара Горохова от 23 ноября 1939 г. // Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 25888. Оп. 13. Д. 30.
- Из разведводки штаба 14-й армии от 22 ноября 1939 г. // Российский государственный архив Военно-Морского Флота (РГА ВМФ). Ф. р-970. Оп. 2. Д. 152.
- Из письма поверенного в делах Елисеева [Синицына. — В. Б.] заместителю наркома Деканозову, 12 ноября 1939 г. // Архив внешней политики Российской Федерации (АВПРФ). Ф. 0135. Оп. 22, п. 145. Д. 1.
- Кен О. Н., Рупасов А. И. Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами (конец 1920–1930-х гг.). Проблемы. Документы. Опыт комментария. Часть 1: Декабрь 1928 — июнь 1934. СПб.: Европейский Дом, 2000. 703 с.
- Килин Ю. М. Карелия в политике советского государства 1920–1941. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1999. 275 с.
- Коминтерн и Вторая мировая война. Ч. I. М.: Памятники исторической мысли, 1994. 554 с.
- Коминтерн и Финляндия. 1919–1943. Документы. М.: Наука, 2003. 420 с.
- Лебедева Н. С. Вступительная статья // Коминтерн и Финляндия 1919–1943. Документы. М.: Наука, 2003. С. 3–45.
- Мерецков К. А. На службе народу. Страницы воспоминаний. М.: Политическая литература, 1968. 464 с.
- Мусаев В. И. В межвоенный период (1924–1940) // Петербургский, Петроградский, Ленинградский военный округ (1864–1999). СПб.: ПОЛИГОН, 1999. С. 261–299.
- Письмо наркома ИД М. М. Литвинова, 22.3.1939 // Российский государственный Военный архив (РГВА). Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1236.
- Пограничные войска СССР. 1939–1941. Сб. документов и материалов. М.: Наука, 1970. 817 с.
- Посетители кремлевского кабинета И. В. Сталина // Исторический архив. 1995. № 5–6. С. 57–60.
- Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб.: Изд-во РХГИ, 2002. 236 с.
- Семиряга М. И. Тайны сталинской дипломатии. М.: «Высшая школа», 1992. 302 с.
- Синицин Е. Резидент свидетельствует. М.: ТОВ «Гей», 1996. 294 с.
- Советско-финляндские переговоры в марте-апреле 1939 г. Справка Б. Штейна, г. Куйбышев, 7–8. 6. 1942 // Архив внешней политики Российской Федерации (АВПРФ). Ф. 06. Оп. 1, п. 18. Д. 190.
- Тайны и уроки зимней войны 1939–1940. По документам рассекреченных архивов. СПб.: ПОЛИГОН, 2000. 542 с.
- XVII съезд ВКП(б): стенограф. отчет. М.: Партиздат, 1934. 252 с.
- Финляндия. Политико-экономический обзор // Российский государственный архив Военно-Морского Флота (РГА ВМФ). Ф. р-92. Оп. 2. Д. 764.
- Тезисы доклада о действиях Красной Армии против белофиннов // Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 37977. Оп. 1. Д. 722.
- Holstin virallinen vierailu Moskovaan helmik. 1937. (26.2.1937) // Ulkoasiainministeriön arkisto. 5 D.
- Kallenautio J. Suomi katsoi eteensä. Helsinki: Tammi, 1985. 389 s.
- Kansakunta sodassa. Os. 1., Helsinki: Valtion painatuskeskus, 1989. 350 s.
- Korhonen K. Naapurit vastoin tahtaan. Helsinki: Tammi, 1966 (a). 259 s.

- Korhonen K. Turvallisouden pettäessä. Helsinki: Tammi, 1971 (b). 224 s.
- Käkönen U.A. Sotilasasiamiehenä Moskovassa 1939. Helsinki; Keuruu: Otava, 1966. 222 s.
- Manninen O., Salokangas R. Eljas Erkko. Vaikenematon valtiomahti. Helsinki: WSOY. 2009. 780 s.
- Minister for Finland, 9.10.1939 // Ulkoasiainministeriön arkisto (UM). 109 A 10 c.
- Muistinpaino keskustelusta E. Erkon ja B. Steinin välillä, 25.3.1939 // Ulkoasiainministeriön arkisto (UM). 12 L / 25 (osa 2).
- Paasikivi J. K. Toimintani Moskovassa ja Suomessa 1939–41. Os. I. Porvoo: WSOY, 1958. 240 s.
- Paasonen A. Marsalkan tiedustelupäällikkönä ja hallituksen asiamiehenä. Helsinki: Weilin+Göös, 1974. 175 s.
- R. Holstin muistelmia vuosilta 1936–1940 // Suomen Kuvalehti. 1984. No 51–52. S. 74–79.
- Rautkallio N. Kansakunnan syyllisyys. Talvisotaan 1939–1940. Helsinki: WSOY, 2002. 364 s.
- Rentola K. Kenen joukoissa seisot? Suomalainen kommunismi ja sota: 1937–1945. Porvoo; Helsinki; Juva: K. J. Gummerus Osakeyhtiön kirjapainossa, 1994. 691 s.
- Salasähke Moskovasta Ulkoministeriöön, 5.10. (19⁰⁰) // Ulkoasiainministeriön arkisto (UM). 109 A 2.
- Salasähke Moskovasta Ulkoministeriöön, 6.10.1939 (23¹²) // Ulkoasiainministeriön arkisto (UM). 109 A 2.
- Salasähke Moskovasta Ulkoministeriöön, 7.10.1939 (21⁰⁶) // Ulkoasiainministeriön arkisto (UM). 109 A 2.
- Salasähke Moskovasta Ulkoministeriöön, 14.10.1939 (20³⁵) // Ulkoasiainministeriön arkisto (UM). 109 A 2.
- Salasähke Ulkoministeriöstä Moskovaan, 13.10.1939 (17⁵⁵) // Ulkoasiainministeriön arkisto (UM). 109 A 2.
- Seppälä H. Itsenäisen Suomen puolustuspolitiikka ja strategia. Porvoo; Helsinki: WSOY, 1974. 349 s.
- Suomi sodassa. Keuruu: Otava, 1982. 420 s.
- Sähke A. S. Yrjö-Koskiselle 17.3.1939 // Ulkoasiainministeriön arkisto (UM). 12 L / 25 (osa 2).
- Talvela P. Sota ja elämä. 1. Jyväskylä: WSOY, 1976. 463 s.
- Tieto Itä-Karjalan aluella ja Suomen saarista Suomen lahdella vaihdosta ja vuokrasta // Ulkoasiainministeriön arkisto (UM). 12 L / 25 (osa 2).
- Tuominen A. Kremlin kellot. Muistelmia vuosilta 1933–1939. Helsinki: Tammi, 1957. 393 s.
- Uitto A. Puna-armeijan marssiopas Suomeen 1939. Hämeenlinna: Karisto Oy, 2011. 232 s.
- Vihavainen T. Neuvostolehdistö ja “Suomen kriisi” talvella 1939–40 // Historiallinen Aikakauskirja. 1984. N 1. S. 34–45.
- Vihavainen T. Yhteistyössä Kuusisen hallituksen kanssa — talvisota Neuvostoliiton lehdistössä // Kansakunta sodassa. Os. I. Helsinki: Valtion painatuskeskus, 1989. S. 129–133.
- Virallinen vierailusta Moskovaan, 8–10.2.1937 // Kansallisarkisto (KA). R. Holstin kokoelma. 74.
- Для цитирования:** Барышников В. Н. СССР и Финляндия: к вопросу об обстоятельствах и времени принятия решения о начале «Зимней войны» // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 2. История. 2016. Вып. 2. С. 18–36. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2016.202

References

- Baryshnikov V. N. *Ot prokhladnogo mira k zimnei voine. Vostochnaia politika Finliandii v 1930-e gody* [From cold peace to “winter war”. Finland’s eastern politics in 1930’s]. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 1997, 352 p. (in Russian)
- Baryshnikov N. I., Baryshnikov V. N. *Rozhdenie i krakh “teriokskogo pravitel’sтва” (1939–1940 gg.)* [The birth and crash of “the Terijoki government” (1939–1940)]. St. Petersburg, Helsinki, Johan Beckman Institute Publ., 2003, 363 p. (in Russian)
- Vasara V. T. *Deiatel’nost’ Akademicheskogo karel’skogo obshchestva (AKS) v Finliandii* [The Academic Karelia Society (AKS) activities in Finland]. *Trudy kafedry istorii Novogo i noveishego vremeni* [Proceedings of the Department of Modern and Contemporary History]. 2008, no. 2, pp. 222–235. (in Russian)
- Vasilevskiy A. M. *Delo vsei zhizni* [The cause of the whole life]. Moscow, Politicheskaya literatura Publ., 1976, 457 p. (in Russian)
- Velikaia Otechestvennaia voina 1941–1945 godov [Great Patriotic War 1941–1945]. In 12 vol. Vol. 2: *Proiskhozhdenie i nachalo voyny* [Origins and Beginning of the War]. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2012, 1007 p. (in Russian)
- God krizisa. *Dokumenty i materialy* [The year of crisis: Documents and materials]. Vol. I. Moscow, Politicheskaya literatura Publ., 1990, 555 p. (in Russian)
- Direktiva komandiram i komissaram soedinenii i chastei 14 armii, kopiia komanduiushchemu Severnym flotom [The directive to commanders and commissars of the formations and units of the 14th Army,

- a copy of the commander of the Northern Fleet]. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv Voenno-Morskogo Flota (RGA VMF)* [Russian State NAVY Archive], f. r-970, op. 2, d. 124. (in Russian, unpublished)
- Direktiva komanduiushchego Leningradskim voennym okrugom voennym sovetam i nachal'nikam politupravlenii 7, 8, 9, 14-i armii o normakh povedeniia lichnogo sostava na territorii Finliandii, 29 noiabria 1939 [The directive of commander of the Leningrad Military District to the military councils and chiefs of political departments 7, 8, 9, 14th Armies about standards of conduct of personnel in Finland, 29 November 1939]. *Rossiiskii gosudarstvennyi voennyi arkhiv (RGVA)* [Russian State Military Archive], f. 37977, op. 1, d. 235 (in Russian, unpublished)
- Direktiva narodnogo komissara oborony o razrabotke plana operatsii na 1935 [The directive on the development the operation plan for 1935 by the National Commissioner of defense]. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv Voenno-Morskogo Flota (RGA VMF)* [Russian State NAVY Archive], f. r-92, op. 2, d. 260. (in Russian, unpublished)
- Dnevnik polnomochnogo predstavitelia SSSR v Velikobritanii M. Maiskogo, 29 noiabria 1939 g. [The diary of Soviet ambassador in Britain M. Maisky, November 29, 1939]. *Dokumenty vneshnei politiki* [Documents of Foreign Policy]. Vol. XXII, Book 1, Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 1992, 712 p. (in Russian)
- Doklad komanduiushchego voiskami Leningradskogo voennogo okruga narodnomu komissaru oborony plan razgroma sukhoputnykh i morskikh sil Finliandii [The report of Commander of the Leningrad Military District to People's Commissar of Defense the plan for the defeat of the armed forces of Finland]. *Rossiiskii gosudarstvennyi voennyi arkhiv (RGVA)* [Russian State Military Archive], f. 25888, op. 14, d. 2. (in Russian, unpublished)
- Doklad nachal'nika shtaba Leningradskogo voennogo okruga narodnomu komissaru oborony o sostoianii finskoi armii i teatra voennykh deistvii, 10 noiabria 1939 [The report of the Chief of Staff of the Leningrad Military District to the People's Commissar of Defence about Finnish army and able the theater of operations, November 10, 1939]. *Rossiiskii gosudarstvennyi voennyi arkhiv (RGVA)* [Russian State Military Archive], f. 25888, op. 11, d. 17. (in Russian, unpublished)
- Zimniaia voina (dokumenty o sovetско-finliandskikh otnosheniakh 1939–1940 godov) [Winter War (Documents on Soviet-Finnish relations 1939–1940). *Mezhdunarodnaia zhizn'* [International life], 1989, no. 8, pp. 55–68. (in Russian)
- Zimniaia voina 1939–1940 gg. Issledovaniia, dokumenty, kommentarii. K 70-letiiu sovetско-finliandskoi voiny [Winter War 1939–1940. Investigations, documents, commentaries. To seventy years of Soviet-Finland's War]. Moscow, Akademkniga Publ., 2009, 815 p. (in Russian)
- Zimniaia voina 1939–1940 [Winter War 1939–1940]. *Kniga 1: Politicheskaia istoriia* [Book 1: Political History]. Moscow, Nauka Publ., 1998, 584 p. (in Russian)
- Zimniaia voina 1939–1940. *Kniga 2: I. V. Stalin i finskaia kampaniia (Stenogramma soveshchaniia pri TsK VKP(b))* [Winter War 1939–1940. Book 2: I. V. Stalin and Finnish company (Stenographic report of the meeting in the Central Committee of VCP(b))]. Moscow, Nauka Publ., 1998, 295 p. (in Russian)
- Iz direktivy nachal'nika PU LVO divizionnogo komissara Gorokhova ot 23 noiabria 1939 g. [From the directive the chief PU LVO Divisional Commissioner Gorokhov, November 23, 1939]. *Rossiiskii gosudarstvennyi voennyi arkhiv (RGVA)* [Russian State Military Archive], f. 25888, op. 13, d. 30 (in Russian, unpublished)
- Iz razvedsvodki shtaba 14-i armii ot 22 noiabria 1939 g. [From the intelligence of headquarters of the 14th Army, November 22, 1939]. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv Voenno-Morskogo Flota (RGA VMF)* [Russian State NAVY Archive], f. r-970, op. 2, d. 152 (in Russian, unpublished)
- Iz pis'ma poverennogo v delakh Eliseeva (Sinitsyna. — V. B.) zamestiteliu narkoma Dekanozovu, 12 noiabria 1939 g. [From the report of the Soviet diplomatic representative in Finland Eliseeva (Sinitsyn. — V. B.) to the Under People's Commissar Dekanozov, November 12, 1939]. *Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii (AVPRF)* [Archive of Foreign Policy of Russian Federation], f. 0135, op. 22, d. 1. P. 145 (in Russian, unpublished)
- Ken O.N., Rupasov A.I. *Politbiuro TsK VKP(b) i otnosheniia SSSR s zapadnymi sosednimi gosudarstvami (konets 1920–1930-kh gg.). Problemy. Dokumenty. Opyt kommentarii. Chast' 1: Dekabr' 1928 — iun' 1934* [Political bureau of the Central Committee of VCP /b/ and the USSR relations with neighbouring western countries (the end of 1920's — 1930's). Problems. Documents. Experience of commentary. Pt. I. December 1928 — June 1934]. St. Petersburg, Evropeiskii Dom Publ., 2000, 703 p. (in Russian)
- Kilin Y.M. *Kareliia v politike sovetского gosudarstva 1920–1941* [Karelia in the politics of the soviet state 1920–1941]. Petrozavodsk State University Press, 1999. 275 p. (in Russian)
- Komintern i Vtoraia mirovaia voina. Ch. I* [Comintern and the Second World War. Pt. I]. Moscow, Pamiatniki istoricheskoi mysli Publ., 1994, 554 p. (in Russian)

- Komintern i Finliandiia. 1919–1943. Dokumenty* [Comintern and Finland 1919–1943. Documents]. Moscow, Nauka Publ., 2003, 420 p. (in Russian)
- Lebedeva N. S. Vstupitel'naia stat'ia [Introductory article]. *Komintern i Finliandiia 1919–1943. Dokumenty* [Comintern and Finland 1919–1943. Documents]. Moscow, Nauka Publ., 2003, pp. 3–45. (in Russian)
- Meretskov K. A. *Na sluzhbe narodu. Stranitsy vospominanii* [On the Service to people. Pages of Reminiscences]. Moscow, Politicheskaiia literatura Publ., 1968, 464 p. (in Russian)
- Musayev V. I. V mezhoennoi period (1924–1940) [During the Inter War period (1924–1940)]. *Peterburgskii, Petrogradskii, Leningradskii voennyi okrug (1864–1999)* [Peterburg's, Petrograd's, Leningrad's Military District (1864–1999)]. St. Petersburg, Poligon Publ., 1999, pp. 261–299. (in Russian)
- Pis'mo narkoma ID M. M. Litvinova, 22.3.1939 [Message of the People's Commissar of Foreign Affairs Maxim Litvinov, 03.22.1939]. *Rossiiskii gosudarstvennyi Voennyi arkhiv (RGVA)* [Russian State Military Archive], f. 33987, op. 3, d. 1236 (in Russian, unpublished)
- Pogranichnye voiska* [Border troops]. Moscow, Nauka Publ., 1970, 817 p. (in Russian)
- Posetiteli kremlevskogo kabineta I. V. Stalina [Visitors to the Kremlin office of I. V. Stalin]. *Istoricheskii arkhiv* [Historical Archive]. 1995, no. 5–6, pp. 57–60. (in Russian)
- Sankt-Peterburg i strany Severnoi Evropy* [Saint Petersburg and Countries of Northern Europe]. St. Petersburg, Russian Christian Humanitarian Institute Press, 2002, 236 p. (in Russian)
- Semiriaga M. I. *Tainy stalinskoi diplomatii* [Secrets of Stalin's Diplomacy]. Moscow, Vysshiaia shkola Publ., 1992, 302 p. (in Russian)
- Sinit'syn E. *Rezident svidetel'stvoet* [Resident Witnesses]. Moscow, TOV "Geia" Publ., 1996, 294 p. (in Russian)
- Sovetsko-finiandskie peregovory v marte-aprele 1939 g. Spravka B. Shteina, g. Kuibyshev, 7–8. 6. 1942 [The Soviet-Finnish talks in March-April 1939 Reference B. Stein, Kuibyshev, 7–8. 6. 1942]. *Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii (AVPRF)* [Archive of Foreign Policy of Russian Federation], f. 06, op. 1, d. 190, p. 18. (in Russian, unpublished)
- Tainy i uroki zimnei voiny 1939–1940. Po dokumentam rassekrechennykh arkhivov* [Secrets and lessons of Winter War 1939–1940. According to Documents from declassified archives]. St. Petersburg, Poligon Publ., 2000, 542 p. (in Russian)
- XVII s'ezd VKP(b): stenograf. otchet* [17th Congress of VCP(b). Stenographic report]. Moscow, Partizdat, 1934, 252 p. (in Russian)
- Finliandiia. Politiko-ekonomicheskii obzor [Finland. Political and Economic Review]. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv Voenno-Morskogo Flota (RGA VMF)* [Russian State NAVY Archive], f. r-92, op. 2, d. 764. (in Russian, unpublished)
- Tezisy doklada o deistviiakh Krasnoi Armii protiv belofinnov [Abstracts about Red Army's operations against the White Finns]. *Rossiiskii gosudarstvennyi voennyi arkhiv (RGVA)*. [Russian State Military Archive], f. 37977, op. 1, d. 722 (in Russian, unpublished)
- Holstin virallinen vierailu Moskovaan helmik. 1937. [Holst's official visit to Moscow, February 1937] (26.2.1937). *Ulkoasiainministeriön arkisto (UM)* [Archive of the Ministry of Foreign Affairs (UM)] 5 D. (in Finnish, unpublished)
- Kallénautio J. *Suomi katsoi eteensä* [Finland Finds itself]. Helsinki, Tammi [Oak Corporation] Publ., 1985, 389 p. (in Finnish)
- Kansakunta sodassa* [National at the War]. Vol. 1. Helsinki, Valtion painatuskeskus [Government Printing Centre], 1989, 350 p. (in Finnish)
- Korhonen K. *Naapurit vastoin tahtoaan* [Neighbors against their]. Helsinki, Tammi [Oak Corporation] Publ., 1966, 259 p. (in Finnish)
- Korhonen K. *Turvallisuuden pettäessä* [Disintegration of security system]. Helsinki: Tammi [Oak Corporation] Publ., 1971, 224 p. (in Finnish)
- Käkönen U. A. *Sotilasasiamiehenä Moskovassa 1939* [Military attaché in Moscow in 1939]. Helsinki; Keuruu, Otava [Big Dipper Corporation] Publ., 1966, 222 p. (in Finnish)
- Manninen O., Salokangas R. *Eljas Erkko. Vaikenematon valtiomahti* [Eljas Erkko. Stat power in unstable world]. Helsinki, WSOY Corporation Publ., 2009, 780 p. (in Finnish)
- Minister for Finland, 9.10.1939. *Ulkoasiainministeriön arkisto (UM)* [Archive of the Ministry of Foreign Affairs (UM)], 109 A 10 c. (in English, unpublished)
- Muistinpaino keskustelusta E. Erkon ja B. Steinin välillä, 25.3.1939. *Ulkoasiainministeriön arkisto (UM)* [Archive of the Ministry of Foreign Affairs (UM)], 12 L / 25 (osa 2). (in Finnish, unpublished)
- Paasikivi J. K. *Toimintani Moskovassa ja Suomessa 1939–41* [My work in Moscow and Finland 1939–41]. Vol. I. Porvoo, WSOY Corporation Publ., 1958, 240 p. (in Finnish)
- Paasonen A. *Marsalkan tiedustelupäällikkönä ja hallituksen asiamiehenä* [In Marshal's Hindquarter's intelligence and at State Service]. Helsinki, Weilin+Göös Publ., 1974, 175 p. (in Finnish)

- R. Holstin muistelmia vuosilta 1936–1940 [Reminiscences P. Holsti for 1936–1940]. *Suomen Kuvalehti* [Finnish illustrated Journal], 1984, no. 51–52, pp. 74–79. (in Finnish)
- Rautkallio N. *Kansakunnan syyllisyys. Talvisotaan 1939–1940* [National Fault. Winter War 1939–1940]. Helsinki, WSOY Corporation Publ., 2002, 364 p. (in Finnish)
- Rentola K. *Kenen joukoissa seisot? Suomalainen kommunismi ja sota: 1937–1945* [In whose Army did you serve? Finnish war and communism: 1937–1945]. Porvoo; Helsinki; Juva, K. J. Gummerus Osakeyhtiön kirjapainossa [K. J. Gummerus Corporation, a printing press], 1994, 691 p. (in Finnish)
- Salasähke Moskovasta Ulkoministeriöön, 5.10. (19⁰⁰) [The secret telegram from Moscow to the Ministry of Foreign Affairs, 5.10. (19⁰⁰)]. *Ulkoasiainministeriön arkisto (UM)* [Archive of the Ministry of Foreign Affairs (UM)], 109 A2. (in Finnish, unpublished)
- Salasähke Moskovasta Ulkoministeriöön, 6.10.1939 (23¹²) [The secret telegram from Moscow to the Ministry of Foreign Affairs, 6.10.1939 (23¹²)]. *Ulkoasiainministeriön arkisto (UM)* [Archive of the Ministry of Foreign Affairs (UM)], 109 A2. (in Finnish, unpublished)
- Salasähke Moskovasta Ulkoministeriöön, 7.10.1939 (21⁰⁶) [The secret telegram from Moscow to the Ministry of Foreign Affairs, 7.10.1939 (21⁰⁶)]. *Ulkoasiainministeriön arkisto (UM)* [Archive of the Ministry of Foreign Affairs (UM)], 109 A2. (in Finnish, unpublished)
- Salasähke Moskovasta Ulkoministeriöön, 14.10.1939 (20³⁵) [The secret telegram from Moscow to the Ministry of Foreign Affairs, 14.10.1939 (20³⁵)]. *Ulkoasiainministeriön arkisto (UM)* [Archive of the Ministry of Foreign Affairs (UM)], 109 A2. (in Finnish, unpublished)
- Salasähke Ulkoministeriöstä Moskovaan, 13.10.1939 (17³⁵) [The secret telegram from the Ministry of Foreign Affairs to Moscow, 13.10.1939 (17³⁵)]. *Ulkoasiainministeriön arkisto (UM)* [Archive of the Ministry of Foreign Affairs (UM)], 109 A2. (in Finnish, unpublished)
- Seppälä H. *Itsenäisen Suomen puolustuspolitiikka ja strategia* [Independent Finnish Defense policy and strategy]. Porvoo; Helsinki, WSOY Corporation Publ., 1974, 349 p. (in Finnish)
- Suomi sodassa* [Finland at the War]. Keuruu, Otava [Big Dipper Corporation] Publ., 1982. 420 p. (in Finnish)
- Sähke A. S. Yryö-Koskiselle 17.3.1939 [The telegram from A. S. Yryö-Koskinen, 17.3.1939]. *Ulkoasiainministeriön arkisto (UM)* [Archive of the Ministry of Foreign Affairs (UM)], 12 L / 25 (osa 2). (in Finnish, unpublished)
- Talvela P. *Sota ja elämä* [War and life]. Vol. 2. Jyväskylä, WSOY Corporation Publ., 1976, 463 p. (in Finnish)
- Tieto Itä-Karjalan alueella ja Suomen saarista Suomen lahdella vaihdosta ja vuokrasta [Information about exchange and the lease areas of Eastern Karelia and the Finnish island in the Gulf of Finland]. *Ulkoasiainministeriön arkisto (UM)* [Archive of the Ministry of Foreign Affairs (UM)], 12 L / 25 (osa 2). (in Finnish, unpublished)
- Tuominen A. *Kremlin kellot. Muistelmia vuosilta 1933–1939* [Kremlin bells. Reminiscences for 1933–1939 y.]. Helsinki, Tammi [Oak Corporation] Publ., 1957, 393 p. (in Finnish)
- Uitto A. *Puna-armeijan marssiopas Suomeen 1939* [Red army guide-book into Finland 1939]. Hämeenlinna, Karisto Corporation Publ., 2011, 232 p. (in Finnish)
- Vihavainen T. Neuvostolehdistö ja “Suomen kriisi” talvella 1939–40 [Soviet Union and “Finnish crisis” in winter 1939–1940]. *Historiallinen Aikakauskirja* [Historical Journal], 1984, no. 1, pp. 34–45. (in Finnish)
- Vihavainen T. Yhteistyössä Kuusisen hallituksen kanssa — talvisota Neuvostoliiton lehdistössä [In cooperation with Kuusinen's government — Winter War of Soviet Union in Press]. *Kansakunta sodassa* [Nation at the War]. Vol. I. Helsinki, Valtion painatuskeskus [Government Printing Centre], 1989, pp. 129–133. (in Finnish)
- Virallinen vierailusta Moskovaan, 8–10.2.1937 [The official visit to Moscow, 8–10.2.1937]. *Kansallisarkisto (KA)* [The National Archives (KA)], R. Holstin kokoelma [R. Holsti collection], 74 (in Finnish, unpublished)

For citation: Baryshnikov V.N. The USSR and Finland: more on the circumstances and timing of the decision to start the “Winter War”. *Vestnik of Saint-Petersburg University. Series 2. History*, 2016, issue 2, pp. 18–36. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2016.202

Статья поступила в редакцию 23 сентября 2015 г.